

On the issue of freedom of speech in a democratic society

Khasan ORIPOV¹

Samarkand State University

ARTICLE INFO

Article history:

Received August 2022

Received in revised form

20 August 2022

Accepted 25 September 2022

Available online

25 October 2022

Keywords:

freedom of speech,
society,
democracy,
social groups,
civil rights,
democratic society.

ABSTRACT

The article discusses the development and possibilities of manifestation of freedom of speech, taking into account the degree of democratization of a society. It is emphasized that freedom of speech is exercised both orally and in writing, and words expressed in writing may not always be clear to listeners. Due to this circumstance, the written expression of freedom of speech, as well as digitally documented, may subsequently cause a more serious reaction from the audience.

2181-1415/© 2022 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss9/S-pp142-147>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Демократик жамиятда сўз эркинлиги масалалари

АННОТАЦИЯ

Калит сўзлар:

сўз эркинлиги,
жамият,
демократия,
ижтимоий гуруҳлар,
фуқаролик ҳуқуқлари,
демократик жамият.

В статье рассматривается развитие и возможности проявления свободы слова с учетом степени демократизации общества. Подчеркивается, что свобода слова осуществляется как в устном, так и в письменном виде, а слова, выраженные в письменной форме, не всегда могут быть понятны слушателям. В связи с данным обстоятельством, письменное выражение свободы слова, а также задокументированное в цифровом виде, может впоследствии вызвать более серьезную реакцию аудитории.

¹ Basic doctoral student, Samarkand State University. E-mail: oripovkh@gmail.com.

К вопросу о свободе слова в демократическом обществе

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

свобода слова,
общество,
демократия,
социальные группы,
гражданские права,
демократическое
общество.

В статье рассматривается развитие и возможности проявления свободы слова с учетом степени демократизации общества. Подчеркивается, что свобода слова осуществляется как в устном, так и в письменном виде, а слова, выраженные в письменной форме, не всегда могут быть понятны слушателям. В связи с данным обстоятельством, письменное выражение свободы слова, а также задокументированное в цифровом виде, может впоследствии вызвать более серьезную реакцию аудитории.

ВВЕДЕНИЕ

Если демократия правдоподобно интерпретируется как субстанциальный идеал, а не просто процедурная ценность, то нетрудно понять, как она может обосновать аргумент в пользу возможности граждан высказываться. Речь – это влияние, а неравноправная речь означает, что богатые или имеющие хорошие связи граждане имеют больше права голоса в отношении политических результатов, чем менее обеспеченные, – синдром практически всех нынешних либеральных демократий, который подрывает их демократическую репутацию.

Ролз [1] приводит аналогичный аргумент в защиту справедливой стоимости политических свобод. Демократический аргумент также удовлетворяет критерию исключительности, показывая, почему свобода слова требует особого места в пантеоне свобод: очевидно, что для правительства гораздо серьезнее предотвратить обсуждение политических вопросов, чем, например, ввести правила дорожного движения. Это может быть заменено обсуждением экологизации. Искусство, его политизация, двойственность предметов обсуждения также являются благоприятным смещением внимания общественности от обсуждения наиболее важных вопросов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

При демократическом подходе происходит объединение защиты свободы слова, как таковой с защитой важной политической речи, что противоречит критерию строгости. В частности, политическая речь, в широком смысле – это такая речь, которая заслуживает защиты с демократической точки зрения.

К. Санстейн [2] выступает в тотальную защиту демократического подхода, утверждая, что диада политическая-неполитическая речь отмечает различие между речью, которая может регулироваться только на самых строгих основаниях времени, места или стиля изложения, и речью, в которой точно применяется регулирование содержания. Но это различие кажется недостаточно мотивированным.

Научная речь, например, не политична, во многих случаях (за исключением политологии, социологии, философии, точнее, тех вопросов, которые рассматриваются) по своей сути, но была бы искажена регулированием содержания. И наоборот, утверждение о том, что по крайней мере некоторые высказывания ненависти не должны подлежать содержательному регулированию из-за их политического характера, по-видимому, ставит центральный вопрос в отношении критерия жесткости.

Точно так же, когда затрагиваются проблемы внутренней балансировки, применяются те же вопросы, что и в случае автономии. Например, жертвы разжигания ненависти, которых заставляют замолчать или запугивают, часто исключаются из демократического участия в развитии общества. Но их потеря слова должна быть уравновешена правами на свободу слова тех, кто хочет использовать свои политические права для распространения ненависти к некоторым социальным группам населения [3]. В данном случае градус демократизации снижается, и процесс утрачивает свою естественность.

П. Рикёр указывал следующее: «язык как социальный институт не является политическим образованием, однако ясно, что при плохом политическом режиме может происходить деформирование словесной коммуникации из-за систематического обращения ко лжи и лести и постоянного ощущения страха» [4].

Реляционный взгляд на свободу слова начинается с мысли, что речь характерно адресована другому субъекту. Мы говорим, пишем и другими способами общаемся с другими людьми. Частная речь, как и ведение тайного дневника, является предельным случаем: здесь человек говорит сам с собой. То, что речь обращена к другим, является концептуальным утверждением. Однако, это требование также имеет ряд нормативных последствий.

Во-первых, если одна сторона скажет что-то, она требует разрешения говорить; то есть она имеет право решать, что сказать и в какой манере, когда сказать это и кому. Это, в равной степени, относится как к письменному, так и к устному общению; за исключением того, что в первом случае аудитория речи может быть не сразу известна. Под «разрешением» подразумевается, что говорящий берет на себя право свободно говорить: он не обязан не говорить ни с какой третьей стороной. Например, младший офицер, который сомневается в приказе своего старшего начальника по званию, может получить выговор, но, тем не менее, считает себя вправе возразить [5].

Во-вторых, обращаясь к другому, происходит удовлетворительное ощущение моральной автономии. Автономия в данном случае процессуальная, а не содержательная. Это означает, что взгляды, которые мы выражаем, принадлежат нам, а не другому агенту. Обращаемся ли мы к другим просто как к личностям или как к исполнителям ролей внутри институтов, мы не воспринимаем себя просто как инструмент для выражения взглядов других. Процессуальная автономия не противоречит тому, что индивидуумы получают указания или приказы доводить точку зрения одного лица до другого. Инструкции и приказы не являются достаточным основанием для того, чтобы автономный человек выражал точку зрения другого; скорее, это причины, которые нуждаются в оправдании для автономных лиц и которые могут быть перевешены достаточно убедительными противоположными соображениями.

В-третьих, подразумевая разрешение и автономию, люди считают себя ответственными за свою речь: мы считаем себя ответственными за то, что мы сообщаем; и может справедливо восхваляться, подвергаться сомнению, критике и т. д., как следствие.

Те, кто разжигает ненависть, не являются просто культурными обманщиками. Они, в ряде случаев, могут заблуждаться. Но в демократическом обществе разжигание ненависти, несмотря на свободу слова, недопустимо.

Это, в равной степени, относится как к письменной, так и к устной речи: политик несет ответственность за мнения в своем блоге, в соцсетях (в инстаграме, твиттере, фейсбуке). Писатель несет ответственность за свою интерпретацию истории и особую ответственность за утаивание фактического материала, либо представление его в неверной трактовке, в угоду недемократическим властям.

Ответственность представляет собой как общий аспект, связанный с моральной ответственностью как таковой, так и конкретный аспект, когда мы взаимодействуем друг с другом как носители ролей, такие как член семьи, религиозный деятель или коллега по работе. Через речь с другими ролевыми субъектами человек отвечает за то, насколько он выполнил обязанности и ожидания, вытекающие из ролей. Быть признанным другими в качестве носителя роли с хорошей репутацией означает выполнение своих ролевых обязанностей.

Это же касается и того, что от человека ожидается услышать ряд речей, в которых он скажет определенное, ожидаемое. Если возникнет дисбаланс между ожидаемым и фактическим, возникает конфликт, который может породить более серьезные формы противостояния. И только в демократическом обществе, которому присуща терпимость в обсуждении и ровной реакции на критику, неожиданный контекст речи обуславливает позитивный результат, выражающийся в пересмотре позиции и изменениях в идеологии, поведении, выбранных стратегиях [6].

Встреча и обсуждение этих обязанностей обязательно включает в себя речь: таким образом, мы отвечаем и в этом более конкретном смысле через нашу ролевою речь – например, как двое родителей решают воспитывать своих детей. Дозволенность, автономия и ответственность заложены в понятии свободы действий как таковой: человек несет ответственность за все свое поведение, а не только за слова, которые являются добавлением к действиям, либо предшествуют им. Но только в случае речи индивиды имплицитно предъявляют эти нормативные представления другому агенту в надежде и ожидании, что они будут подтверждены реакцией этого агента. Говорить, другими словами, значит заявлять о нашей свободе делать это, о нашей собственности на слова, которые мы используем, и о нашей ответственности за них.

Ответы слушателей, как правило, подтверждают это утверждение. Предположим, А говорит Б: «Дождь будет позже», а Б не соглашается: «Нет, не пойдет!». Оспаривая содержание слов А, но не отрицая ее права высказывать их, Б признает свободу А. Он также принимает взгляды А, как свои собственные. Не соглашаясь с А, Б считает ее ответственным за свои взгляды. Таким образом, в этом типичном примере речи А имплицитно полагает, что ее речевой акт имеет нормативные предпосылки, а Б, категорически не соглашаясь с ним, сама принимает эти предпосылки. Мы как бы передаем эту нормативную структуру речи, а также конкретное содержание речи каждый раз, когда говорим.

Несогласие – это один из способов принять предпосылки речи другого человека; так же и восторженное согласие, резкая критика и даже недоверие или насмешки. Все это способы восприятия, и в основе речи как формы обращения лежит притязание на восприятие, притязание, которое наш собеседник должен принять.

В разговоре с другим человеком или, опять же, в письменной форме, будь то для конкретной или неизвестной аудитории, мы делаем параллельные предположения о различных видах нормативного авторитета, которым обладает наша аудитория. Когда А говорит Б: «Позже пойдет дождь», А имплицитно принимает на себя право Б слышать и во всех случаях, кроме самых редких, принимает на себя право Б реагировать на это заявление. Она также полагает, что Б должен самостоятельно решать, что делать с этим утверждением, соглашаться или не соглашаться, менять тему и т. д., и что, как бы Б ни реагировал, речью или поведением (например, он подхватывает зонтик), он отвечает за то, как он это делает.

Таким образом, обращаясь к другому индивидууму, мы подтверждаем его обладание именно теми нормативными способностями, которые, говоря, мы приписываем себе. Мы можем понять этот момент более ясно, если рассмотрим, как речь может пойти не так, когда имеет место нападение или отрицание нормативных возможностей, заложенных в речи как форме обращения. Например, один человек может принудительно вторгаться в саму свободу другого человека говорить или слушать других, отказывая последнему в разрешении. Или, используя более изощренное социальное принуждение, они могут преуспеть в том, чтобы отговорить другого от высказываний [7].

В качестве альтернативы человек может не рассматривать чужую речь как подлинное выражение его взглядов; например, человек может утверждать, что знает, каковы истинные интересы потенциального говорящего, даже если последний утверждает, что его интересы другие. Далее, кто-то может не считать говорящего действительно ответственным за свои взгляды или, что более вероятно, не считать себя ответственным за утверждения, просьбы или требования, предъявляемые к нему другим актором, – форма молчания.

Все эти ошибки – ошибки восприятия; неспособность подтвердить через речь нормативную власть другого говорящего, как участника речи. Если, например, этническое меньшинство признано ненадежным, а выступление его членов отклонено; или если некоторые индивидуумы не считают себя ответственными за речь других членов, то имеет место нарушение свободы речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие понимания не означает, что существует право на ответ каждый раз, когда человек общается с другими устно или письменно. Но там, где получатели речи не регистрируют разрешение, автономию или ответственность говорящих повторяющимся, всеобъемлющим или систематическим образом, тогда имеет место некоторая несправедливость, связанная с речью. Неудачи в надлежащем восприятии в подобных случаях, вероятно, будут носить структурный характер и возникать из-за более глубокой несправедливости, такой как дискриминация, неравные возможности и отсутствие политического голоса, но также и усугубляться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Rawls J. 2001. Justice as Fairness: A Restatement. Cambridge, MA: Harvard University Press.
2. Sunstein C. 1993. Democracy and the Problem of Free Speech. New York, NY: The Free Press.

3. Reid A. 2020. “Does Regulating Hate Speech Undermine Democratic Legitimacy? A Cautious ‘No’.” *Res Publica* 26 (2): 181–199.
4. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). М., 1995. – С. 43.
5. Hohfeld W.N., WW Cook. 1919. *Fundamental Legal Conceptions*. New Haven: Yale University Press.
6. “The Tolerant Society”: A Response to Critics Lee C. Bollinger *Columbia Law Review* Vol. 90, No. 4 (May, 1990), pp. 979–1003.
7. Bonotti M., J Seglow. 2021. *Free speech*. Cambridge: Polity.